

Максим Макаренков

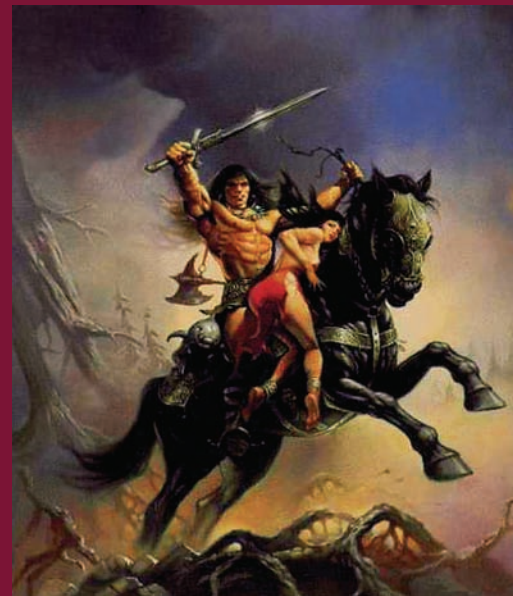
Творец героев и его одиночество

Свист мечей и кровь, хлещущая на мраморные полы дворцов; коварные маги, пытающиеся заполучить твою душу. Верные друзья, отдающие за тебя жизнь. Любовь, слаще которой нет ничего. Жизнь, прожитая без страха, наотмашь, ярко и яростно.

Такой была жизнь Конана из Киммерии. Таким, жестоким и красивым, был мир, созданный Робертом Говардом.

Наверное, именно о такой жизни мечтал Говард, но судьба распорядилась иначе. Он родился не среди могучих воинов и прекрасных бесстрашных женщин, а в захолустном городке Кросс Плейнс штата Техас, насчитывавшем тогда тысячу двести жителей. Отец Говарда, Айзек, был одним из первых врачей в тех местах, однако его практика больших доходов не приносила, и семья часто переезжала с места на место. По воспоминаниям людей, знавших семью Говардов, взаимоотношения родителей Роберта особой теплотой не отличались. Айзек Говард был настоящим тираном. И всю свою нерастрченную любовь мать Роберта, Эстер Джейн, дарила единственному сыну.

Свист мечей и кровь, хлещущая на мраморные полы дворцов; коварные маги, пытающиеся заполучить твою душу. Верные друзья, отдающие за тебя жизнь. Любовь, слаще которой нет ничего. Жизнь, прожитая без страха, наотмашь, ярко и яростно.

Роберт давал выход своему неумному характеру на ринге. Он стал одним из лучших боксеров Техаса и даже получил приз — Золотые перчатки.

Роберт рос, окруженный заботой матери (подчас, вероятно, чрезмерной), и она стала для него идеалом женщины. Он так и не нашел ту единственную, которую мечтает встретить любой мужчина. Каждую женщину он сравнивал со своей матерью — и ни одна не выдержала столь сурового испытания. Возможно, это и послужило одной из причин трагедии, происшедшей позднее, в 1926 году.

День за днем проходил, Роберт жил среди унылых техасских равнин, видел, как стремительно делались состояния во время нефтяного бума и как они в одночасье превращались в прах. Но это его не слишком занимало. Из крепкого здорового ребенка он превратился в столь же крепкого юношу под метр восемьдесят ростом и весом около ста килограммов — сплошные мускулы. В то же время стали давать о себе знать приступы бешеной ярости, во время которых Роберт приходил в неистовство. В такие моменты никто не осмеливался вставать у него на пути. От крупных неприятностей его спасли только две страсти: литература и бокс. Роберт давал выход своему неумному характеру на ринге. Он стал

одним из лучших боксеров Техаса и даже получил приз — Золотые перчатки. В письме к своему знакомому Говард признается: «Вскоре я почувствовал себя настолько сильным, что и задирать никого не хотелось».

Частые смены настроения сына беспокоили родителей, и они не нашли ничего лучше, как послать его в интернат Браунвуда. В нем Роберт продержался два года. Развитый не по летам, задумчивый, увлекающийся совершенно непонятными для сверстников вещами вроде фольклора древних кельтов, Роберт не нашел там друзей, хотя со многими имел приятельские отношения. К тому же в интернате у Боба обнаружилась еще одна особенность: он ходил во сне. Во время одной из таких «прогулок» он ухитрился вылезти в окно спальни. Все закончилось благополучно, но с той ночи Роберт стал прятать перед сном от себя самого свои ботинки.

В 1923 Роберт Говард вернулся домой. В том же году местная газета опубликовала его первую поэму «Море». Денег это, естественно, не принесло, и осенью, смирив свой буйный нрав, Роберт устроился в магазин готового платья. Он начал зарабатывать — как сам потом вспоминал, «не меньше сорока долларов в месяц, а то и больше». Несмотря на столь мирное занятие, за Говардом закрепилась устойчивая слава скандалиста. Видимо, он просто не находил себе места в скучной, серой реальности. Роберт стоял за прилавком, а мускулы его напрягались, пальцы сжимались, словно обхватывая рукоятку меча... Наверняка Говард мечтал вонзить меч (которого, увы, у него никогда не было) в сердце редактора местной газетки, посмевшего оскорбить какой-то заметкой самое прекрасное создание на Земле — мать Роберта. О чем была заметка, никто уже и не помнит. Зато известно, что из-за нее Эстер Джейн отказали в кредите. Роберт ворвался в редакцию и швырнул скомканную газету в

лицо редактору, прорывав, что не допустит публикации подобных мерзостей.

Уладилась история с большим трудом. Но вскоре Говард из смутьяна и скандалиста превратился в одного из самых уважаемых и богатых людей в городе. В 1925 его первый рассказ «Копье и клык» появился в журнале «Сверхъестественные истории». Это была первая ласточка будущей славы. В 1926 тот же журнал опубликовал еще одну вещь Говарда — повесть «Когда восходит полная луна». И Роберт с головой ушел в сочинительство.

Все его герои были похожи, потому что были такими, каким сам Говард очень хотел быть. Однако его ждала иная участь: печальная, но великая. Говард стал творцом миров и мифов.

Один за другим появились герои. Соломон Кейн — мрачный хладнокровный пуританин, действующий шпагой и пистолетом; король Кулл — великий воин древнего мира, отчаянно сражающийся против змеелюдей; частный сыщик Джон Харрисон и многие другие. Все они были похожи, потому что были такими, каким сам Говард очень хотел быть. Однако его ждала иная участь: печальная, но, на мой взгляд, великая. Говард стал творцом миров и мифов. Возможно, родился он в том мире, где жили его герои, он тоже стал бы воином. Но скорее всего — воином-жрецом, а то и магом. Слишком сильна была его страсть к слову, слишком хорошо владел он этим даром.

Продолжая писать, Говард все же еще не верил в то, что сможет прокормиться пером. Поэтому он решил пройти бухгалтерские курсы при колледже Говарда Пэйна. Но профессия бухгалтера совершенно не совпадала с внутренним миром Роберта. В конце концов упорство помогло ему добиться своего — в 1929 он уже считался одним из самых перспективных авторов популярнейшего журнала «Сверхъестественные истории». Говард писал как одержимый, не ограничиваясь фантастическими историями: он создавал вестерны, юмористические повести, отличавшиеся незатейливым, но колоритным юмором Дикого Запада, загадочные мрачные стихи... Его увлекало все, он словно в безумной спешке выплескивал на страницы журналов то, что возникало в его воображении.

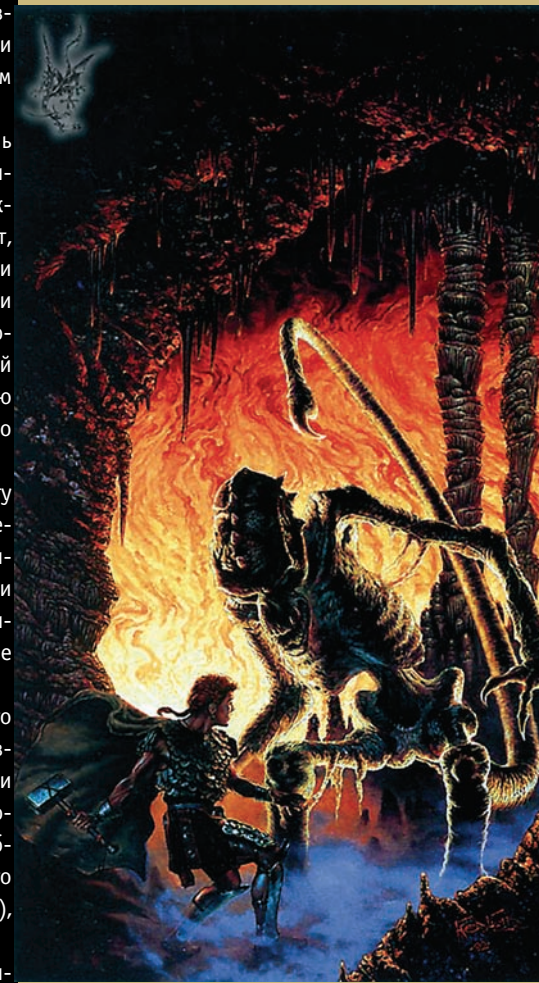
А в 1930 произошло событие, во многом определившее дальнейшую творческую судьбу Роберта Говарда, и жизнь, наверное, тоже. Он начал переписку с Говардом Филлипсом Лавкрафтом.

Кто знает, как сложились бы отношения этих столь непохожих друг на друга людей, если бы они встретились в реальной жизни. Утонченный, начитанный, чуждающийся толпы и ее развлечений мистик Лавкрафт, чье творчество пронизано ощущением безнадежности и ужасом перед потусторонними силами, болезненный и мнительный, был во многом полной противоположностью Роберта Говарда с его увлечением боксом, мечтой о собственном автомобиле и убеждением, что любую магию можно победить ударом доброго клинка. Но общего у них все же было больше.

Переписка с Говардом Лавкрафтом заменила Роберту общение почти со всем остальным миром. Тонкий собеседник, Лавкрафт подробно отвечал на многостраничные письма Роберта, делясь с ним своими планами и сомнениями. Под влиянием рассказов Лавкрафта «Мифы Кулхи», Роберт Говард создает свои собственные истории, дополняющие лавкрафтовские.

А в обыденной жизни Говарда практически ничего не происходило. Почти все время он проводил, согнувшись за пишущей машинкой. Исключения составляли вылазки по заданиям различных газет, с которыми Говард сотрудничал. Он все глубже погружался в собственный мир. Единственным человеком из реального мира, которого Роберт любил (вернее, боготворил), оставалась его мать.

Один из собратьев Говарда по перу разделил женщин на две категории: «опасные колдуньи» и «хорошие жены», которые затягивают мужчин в трясины обыденности. Называл он их Эвадна и Мэй. Каждый тип действует по своему, но результат один — гибель мужчины.

Признание пришло к нему вскоре после двадцатилетия, и он стал рассказывать читателям о прекрасных и страшных городах, о героях, которые обнажают мечи во имя справедливости и чести.

Несколько бравируя, Говард объяснял свои неловкие отношения с прекрасным полом именно боязнью такой вот гибели. Так ли это было, сейчас уже не разобраться. История не сохранила ни одного женского имени в биографии Говарда за исключением имени матери. Видимо, идеальная возлюбленная ждала Роберта Говарда там, в мире Конана, возможно, в его королевстве Валузия, и найти ее на земле Техаса Роберт не смог. Или просто не успел. Признание пришло к нему вскоре после двадцатилетия, и он стал рассказывать читателям о прекрасных и страшных городах, о героях, которые обнажают мечи во имя справедливости и чести. Он был еще по-юношески наивен, о чем часто забывают биографы. А еще была мама, которая чувствовала себя все хуже. Роберт посвящал ей все свое свободное время. Мама, безусловно, гордилась Робертом — еще бы, ведь ее сын стал самым богатым человеком в городе. Порой его заработок превышал доход главы местного банка! Роберт купил поддержанную машину, научился водить и, безумно счастливый, катал маму по окрестностям.

Наступил 1932 год. Его можно считать очень важной вехой в жизни и творчестве Говарда, поскольку именно тогда родился герой, переживший своего творца и поныне продолжающий волновать умы. Это был Конан из Киммерии, могучий голубоглазый и черноволосый варвар. Впервые он появился в рассказе «Феникс на мече» и стал постоянным героем произведений Говарда. А еще у Говарда возникли воображаемые враги. Он не слишком стремился распространяться о них, но, видимо, чувствовал их присутствие постоянно. И без того вспыльчивый, Роберт стал угрюмым и замкнутым. Он не понимал, откуда исходит угроза и что нужно его недоброжелателям. Даже в переписке со своим самым

близким другом Лавкрафтом он подчас срывался, и тут же бросался извиняться: «Дело в том, что я писал это письмо, пребывая в том ужасном состоянии духа, которое иногда — к счастью, не очень часто — прямо-таки наваливается на меня. Если мной овладевает такое на-строение, я не вижу впереди ничего хорошего, и основное чувство, которое испытываю в такие моменты, — слепая, бешеная ярость, направленная на все, что оказывается на моем пути. Хотя это, конечно, не означает ненависти к какому-то конкретному человеку. В такое время я — никудашный и невежливый собеседник, и стараюсь избегать любых контактов с людьми, чтобы не оскорбить кого-то своим поведением».

Несмотря на все эти неприятности, Говард продолжал регулярно издаваться, и до 1935 года дела его шли прекрасно. Мир Конана играл яркими красками. Роберт нашел СВОЕГО героя. Недаром многие отмечали внешнее сходство героя и его автора: оба высокие, могучего телосложения, темноволосые и светлоглазые. Во многом были схожи и их характеры — только вот Говард, в отличие от Конана, жил в цивилизованном мире, который его и надломил. Наверное, Роберт это понимал, и именно поэтому варвар из Киммерии так пренебрежительно отзывался о цивилизации.

В 1935 произошло событие, изменившее все. Мать Роберта Говарда впала в кому после операции. Расходы

Говард, в отличие от Конана, жил в цивилизованном мире, который его и надломил. Наверное, Роберт это понимал, и именно поэтому варвар из Киммерии так пренебрежительно отзывался о цивилизации.

не имели значения для Роберта — лишь бы с мамой все было хорошо. Он тратил все деньги на лечение, но ничего не помогало. Он сидел возле больничной койки, окаменевший, не понимая, как и почему могло это произойти, не зная, как жить дальше. Роберт осознал, что мама может умереть, и перед ним опустилась серая страшная завеса неизвестности. Он не мог представить себе мир без мамы. Почти год Роберт провел в ожидании того дня, когда мама придет в себя и скажет ему, что все хорошо. Пусть слабым голосом, пусть неразборчиво, — он поймет! Но этого не случилось.

Наступил июнь 1936. Пыльное жаркое лето. Видимо, то, что происходит с мамой — происки врагов. От врагов надо защищаться. Говард покупает пистолет. А 11 июня стало понятно, что враги победили. Врач сообщил Роберту, что его мама скоро умрет, не приходя в сознание. После этих слов жизнь полностью утратила смысл.

Роберт возвращается домой и долго сидит за пишущей машинкой напевая: «Все проходит, все проходит...». Потом принимает решение, садится в свою машину и нажимает на спусковой курок пистолета. Мать пережила сына всего на несколько часов.

Говард как-то раз признался одному из знакомых, что хотел бы, чтобы его тело кремировали и прах развеяли над морем. Этому его желанию не суждено было сбыться. Пожалуй, сбылась только одна его мечта — покупка автомобиля.

Все остальное досталось его героям.

(В иллюстрациях к статье использованы экспонаты интернет-галереи <http://www.fortunecity.com/rivendell/chronos/445/pictures.htm>)